

Смирнов О. В. К вопросу о пермском топонимическом субстрате на территории Марий Эл и в бассейне среднего течения Вятки (в свете интерпретации археологических культур). 2 // *Вопр. ономастики.* 2014а. № 1 (16). С. 7–33.

Смирнов О. В. Об этнической интерпретации археологических культур I тыс. н. э. в бассейне среднего течения р. Вятки (по топонимическим данным) // *Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы. Археология евразийских степей.* 2014б. № 20. С. 90–105.

С. Н. Смольников

Вологодский государственный университет, Вологда
onomast@list.ru

Феномен «польских» фамилий на Русском Севере

Референция антропонима может рассматриваться в разных аспектах (как отношение имени к объекту внеязыковой действительности, как отношение имени к объекту ментальной сферы, как отношение имени к объекту сферы языка). Любое из этих отношений может характеризоваться модальностями реальности / ирреальности, потенциальности, гипотетичности и др., которые обусловлены вторичностью антропонима как языкового знака. Модальное значение появляется там, где возникает отношение, осознаваемое носителем языка.

Модальности, связанные с идентификацией имени собственного как языкового знака, накладываются на отношения антропонимов к классу имен как языковому концепту, их вариативности и кореференции и др. Этноязыковая принадлежность имени собственного также может осмысляться в системе модальностей.

Принято считать, что отнесение фамилии или другого имени собственного к языку-источнику основывается на выделении корней, аффиксов или других формальных признаков, однако последние могут быть общими для антропонимиконов разных языков.

Широкое распространение на Русском Севере получил тип топонимических фамилий на *-ский*, известный разным славянским

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (грант 15-04-00364а «Вологодский текст в русской словесности»).

© Смольников С. Н., 2015

языкам. Особенно активны такие фамилии были на территории Посухонья и Верхнего Подвинья, где и в настоящее время сохраняется их наибольшая частотность. Большую их часть составляют крестьянские фамилии, связанные с названиями деревень (д. *Биричево* — *Биричевский*, д. *Бушково* — *Бушковский*, д. *Клепиково* — *Клепиковский*, д. *Наволоч* — *Наволоцкий*, д. *Тельтево* — *Тельтевской* и др.). Активность данного типа фамилий связана с особенностями населения края, где не было помещичьего землевладения, традициями чернососного государственного крестьянства, с гнездовым принципом расселения, существованием больших семей и патронимий, а позднее — межпоселенческих коллективов, объединенных отношениями ближнего и дальнего родства, принадлежность к которым получала свое антропонимическое выражение.

Разрушение патриархального крестьянского уклада приводило к формализации семейного антропонима. Отрыв фамилий от своих языковых корней, стирание этимологии, включение фамилий в состав новых культурно-языковых парадигм обуславливали не только формализацию антропонимов, но и формирование новой мифологии и генеалогии, которая базировалась не на семейном предании, а на языковой парадигматике форм фамилий, которым может приписываться польское происхождение. Например, если в конце XIX в. носители тарногской фамилии *Силинских* пытались доказать ее новгородское происхождение, то в начале XXI в. они уже ищут ее польские корни. Псевдопольские генеалогии, которые не имеют под собой реальной исторической почвы, попадают и в родословцы.

Представления о польском происхождении фамилий жителей Верхнего Подвинья опираются на устную историю, которая устанавливает связь фамилий, похожих на польские, со Смутным временем и преданиями о «панах», а позднее — о ссыльных поляках. Легендарные «паны» представляют собой синкретичный образ, соединяют черты дорусского населения края, оставившего после себя следы материальной культуры и непривычные захоронения, черты первопоселенцев и предков-родоначальников, пришлых разбойников, грабивших население и зарывавших клады, черты враждебного, воинствующего народа, разорявшего села и деревни. С XIX в. краеведческая литература этнографического содержания и изыскания в области польского (или — шире — западного) влияния на этногенез территории отождествляли

легендарных «панов» с польско-литовскими вооруженными отрядами. Однако никакого массового оседания в русских селениях поляков в Смутное время не происходило.

Собственно польские фамилии на этой территории могли появляться позднее, когда после польских восстаний в XIX в. сюда попадали высланные поляки, а также граждане Польши, ссыльные и репрессированные после 1937 г., и просто переселенцы из западных регионов, Украины и Белоруссии. Этим также могла обосновываться гипотетичность польских этимологий.

Осмысление исконно местных фамилий как «польских» способствует изменениям в их произношении и письменной фиксации, появлению вариантов: *Верхóвинский* — *Верховíнский*, *На́волоцкий* — *Наволо́цкий*, *Тесáловский* — *Тесалóвский*, *Поника́ровский* — *Поникаро́вский* и др. Полонизация русских фамилий направлена на повышение статуса фамилии, окружение ее псевдоромантическим ореолом, придание ей более звучного, «благородного» облика.

Факты переосмысления севернорусских фамилий на *-ский* отражают не только развитие антропонимических категорий в русском языке, но и более широкие процессы трансмиссии культуры. Польская версия происхождения исконных русских фамилий относительно поздняя, и формируется она не ранее XIX в. Размывание этнической характеристики фамилий превращает их в антропонимические знаки с гипотетической модальностью.